Грозный категорически отвергал мысль, будто Курбскому угрожала смертная казнь. Сам Курбский также первоначально не придерживался этой версии. Он ни словом не упоминает об этом в своем первом послании царю, написанном на другой день после бегства.[78]

Позже, в 1572 г., Грозный откровенно признался польскому послу Ф. З. Воропаю, что намерен был «убавить» Курбскому «почестей» и отобрать у него «места», т. е. земельные владения.[79]

Но Грозный ошибался, утверждая в одном из своих посланий, будто Курбский изменил «единого ради малого слова гневна».[80] Ошибка объясняется тем, что царь ничего не знал об изменнических переговорах Курбского с литовцами, начавшихся задолго до его бегства из России.

Обстоятельства секретных переговоров Курбского с литовским правительством, ведшим войну с Россией, раскрылись в 80-х годах XVI в., когда наследники беглого боярина во время одной поземельной тяжбы представили литовскому суду ряд королевских грамот.

Как следовало из этих документов, во время пребывания на воеводстве в Юрьеве Курбский получил тайные грамоты («закрытые листы») от короля Сигизмунда-Августа и руководителей Литовской рады гетмана Радзивила и Е. Воловича с предложением выехать в Литву. Ответив согласием, русский наместник Ливонии потребовал от литовского правительства охранных грамот, которые бы гарантировали ему достаточное содержание в Литве, и вскоре же получил их. Гетман Радзивил обещал боярину «приличное содержание» в Литве, король сулил ему свою милость.[81]

Трудно определить, когда именно Курбский принял решение о бегстве в Литву. Н. Е. Андреев полагает, что это произошло в течение последнего года, проведенного боярином в Юрьеве. Курбский, пишет Н. Е. Андреев, продолжал заниматься государственными делами, порученными ему, вел переговоры с ливонскими рыцарями о сдаче различных крепостей; он читал и писал, но все это время он, должно быть, ожидал охранной грамоты из Польши.[82]

На наш взгляд, сношения Курбского с Литвой начались не ранее начала 1564 г. Об этом говорят его переговоры с графом Арцем осенью 1563 г.

Ливонский хронист Ф. Ниенштедт, живший в Юрьеве в 50—60-х годах XVI в., рассказывает, что граф фон Арц, наместник шведского герцога Юхана III в Ливонии, тайно предложил Курбскому сдать русскому царю замок Гельмет. Однако заговор был раскрыт, граф Арц схвачен шведскими дворянами и казнен в Риге в конце 1563 г. Курбский, прибывший к стенам Гельмета, был встречен выстрелами. Разгневанный таким исходом дела, он будто бы воскликнул: «Пока жив великий князь, такое

---

[78] «Коего зла и гонения от тебе не претерпех! — писал Курбский царю, — и коих бед и напастей на мя не подвигл еси! и коих лжей и измен на мя не взвел еси!.. всего лишен бых и от земли божии тобою туне отогнан был» (Послание царю из Вольмара: РИБ, т. XXXIII, стр. 3). В этих длинных жалобах Курбского нет все же ни слова об угрожавшей ему смертной казни.

[79] М. Петровский. Рец. на «Сказания кн. А. Курбского» (изд. 3-е Н. Устрялова, СПб., 1868). — Известия Казанского университета. Казань, 1873, кн. 4, стр. 728.

[80] Послания Ивана Грозного, стр. 13.

[81] Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II. Киев, 1849, стр. 193. В духовном завещании Курбский писал, что приехал в Литву, «будучи обнадежен его королевскою милостию, получив королевскую охранительную грамоту и положившись на присягу их милостей, панов сенаторов» (там же, т. I, стр. 233, духовная 10 июня 1581 г.).

[82] N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 427—428.